Поскольку информации о Джоне Филде очень мало, тем более ее недостаточно в открытом доступе в сети Интернет, в рамках проведения III Международного конкурса исполнителей имени Джона Филда в г. Дубне (Россия, Московская область) была переведена книга Граттана Флуда 1920 г., хранящаяся в электронной библиотеке Калифорнийского университета.

Данный перевод преследует исключительно просветительские цели и не претендует на художественную ценность. Комментарии переводчика выделены курсивом.

Оригинал текста:
https://archive.org/details/johnfieldofdubli00floorich/page/x/mode/2up

ДЖОН ФИЛД ИЗ ДУБЛИНА
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ НОКТЮРНА
КРАТКИЕ МЕМУАРЫ, НАПИСАННЫЕ W. H. GRATTAN FLOOD, MUS. D.
Автор книг: История ирландской музыки; История арфы; История волынки и т.д.
ДУБЛИН: МАРТИН ЛЕСТЕР, ХАРКОРТ-СТРИТ, 87.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Над ирландцами часто посмеиваются, что они incuriosi suorum (лат. «пренебрегающие своими»), и в случае с Джоном Филдом из Дублина эта насмешка вполне заслужена. Прошло восемьдесят три года с тех пор, как этот замечательный композитор, пианист и новатор был похоронен в Москве, и все же он не нашел ирландского биографа. Если бы он был англичанином, его биография, несомненно, была бы опубликована, но заслуги «простого ирландца» были сведены к незначительным заметкам в Национальном биографическом словаре и в Словаре музыки и музыкантов *(Dictionary of National Biography and in the Dictionary of Music and Musicians)*. Тем не менее, существуют монографии о Филде на французском, итальянском, немецком, фламандском, датском и русском языках, которые, однако, отдают должное ему, лишь как ученику Клементи, хотя он как музыкальный вундеркинд был известен уже в Дублине, где несколько раз выступал в Ротонде еще до отъезда в Лондон.

В 1912 году Генрих Дессауэр представил немецкие мемуары Филда в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философии в Лейпцигском университете и опубликовал их в Лангенсальце. Тем не менее, в «Истории музыки» Стэнфорда и Форсайта (1916) ему посвящена лишь одна строка, и эта единственная фраза относится к «русской» музыке. Приведем этот «ценный» комментарий:

«Глинка был учеником **англичанина (!)** Филда, восторженным патриотом и неутомимым исследователем русской народной музыки!».[1]

Сегодня изобретателем ноктюрна принято считать Шопена, он признается родоначальником жанра в том, что касается расширенного аккомпанемента из разрозненных аккордов и изящных украшений мелодии с замечательными арпеджио и педальными эффектами; но французские и немецкие критики признают, что и жанр ноктюрна, и указанные достижения в фортепианной игре были введены Джоном Филдом. Достаточно упомянуть, что первые три ноктюрна Филда были опубликованы ранней осенью 1814 года, когда Шопену было всего четыре года!

Многие факты, относящиеся к ранней карьере Филда, приведены в книге благодаря моему старому другу, мистеру У. Дж. Лоуренсу (ученому-шекспироведу), в то время как атмосферу его концертов в Париже описал покойный Мишель Брене, один из самых блестящих французских музыковедов. Труды Шумана, Шпора, Фетиса, Листа, Парента и д'Ортига имеют довольно много упоминаний имени Джона Филда, и этот материал я постарался максимально сжато изложить на следующих страницах.

W. H. GRATTAN FLOOD

ДЖОН ФИЛД ИЗ ДУБЛИНА

Джон Филд появился на свет в скромном доме семьи Филдов в районе Голден-Лейн (Дублин) 26 июля 1782 года. В течение двух или трех поколений Филды были профессиональными музыкантами: отец- скрипач оркестра Королевского театра на Кроу-стрит, дед-органист одной из городских церквей. Ребенка крестили в церкви Святой Вербург *(St. Werburgh's Church, Dublin)* 3 сентября следующего года, и назвали Иоанном в честь деда. По семейной традиции отец музыканта тоже носил имя своего деда – Роберт.

Здесь позвольте мне упомянуть, что, хотя Голден-Лейн и не был аристократическим районом, он мог похвастаться большим количеством адвокатов, врачей и музыкантов, и интересно отметить, что он может претендовать на честь быть связанным с Дэниелом Косингрейвом, который умер там в 1727 году, и миссис Джеймсон, которая родилась в доме № 36.

[Жизнь на] Голден-Лейн до 1794 года. Отец и дед композитора жили в одном доме, который использовали в качестве музыкальной академии, причем первый был успешным профессором скрипки, а второй - столь же успешным преподавателем фортепиано и органа. Уже на седьмом году жизни юный Джон

[1] *Известно, что Глинка взял всего несколько уроков у Филда, основным его учеников из числа русских композиторов был Александр Дюбюк. В числе учеников Филда А.Н.Верстовский, А.И.Виллуан, А.Л.Гурилев, Н.П. Девитте, А. Контский, М.И.Бернард, Шарль (Карл) Майер, а также многие представители светского общества того времени.*

Филд проявил пристрастие к фортепиано, инструменту, который тогда практически вытеснил клавесин, и дед взялся за его обучение, в то время как отец контролировал процесс подготовки к занятиям. Ни отец, ни дед не жалели розги для того, чтобы стимулировать музыкальные наклонности юноши, и оба они строго придерживались Соломонова принципа в отношении его музыкального воспитания. Впоследствии он сам признался Фетису, что побои, полученные от отца и деда, изгнали его из родительского крова. Этот эпизод был искажен некоторыми писателями, которые приукрашивают его, добавляя: «Голод заставил его вернуться и домой, и к занятиям, в результате чего в двенадцать лет он впервые появился в Лондоне». Мы же отметим, что суровое обращение с восьмилетним Джоном Филдом было ничуть не суровее, чем с мальчиками из церковного хора в восемнадцатом веке.

Достоверно известно, (хотя этот факт не был упомянут предыдущими авторами), что весной 1791 года не по годам развитый мальчик был отправлен к знаменитому Томмазо Джордани для «окончания обучения» на фортепиано.

Впечатленный непревзойденной виртуозностью девятилетнего Филда, Джордани уговорил отца и деда позволить дублинской публике послушать юного вундеркинда. С радостного согласия семьи Филдов, Джордани устроил мальчику серию из трех «Духовных концертов» в Ротонде во время Великого поста 1792 года. Джордани посчастливилось даже добиться появления на концерте знаменитой скрипачки мадам Готеро. Дебют Филда состоялся в его родном городе в субботу 24 марта 1792 года[2]. Дублинская публика восторженно приняла талантливого соотечественника, и, как следствие, в афише второго концерта 4 апреля сообщалось, что «многоуважаемый маэстро Филд, юноша восьми лет от роду, будет счастлив исполнить новый фортепианный концерт синьора Джордани».

Третий концерт «маэстро Филда «состоялся 4 апреля, и его игра вызвала также самые благодушные отзывы. Следует отметить, что маэстро Филд был представлен на этих концертах как «восьмилетний юноша». Это «благочестивое мошенничество» (еще не известное рекламодателям) было, несомненно, простительно – хотя юноше было на самом деле около десяти, он выглядел едва ли на восемь.

Гений Филда не ограничивался только виртуозным пианизмом в 1792 и 1793 годах. Он расцвел как композитор и в 1793 году опубликовал вариации на тему старинной ирландской песни: «Иди к черту и встряхнись». Он также сочинил два фортепианных рондо на песни своего учителя «С тех пор я обречен» и «Раб, неси по кругу сверкающий кубок», сразу ставших популярными. За этими

---

[2] Следует упомянуть, что Джон Филд появился в качестве одного из «музыкальных детей» на благотворительном концерте маэстро Тома Кука в Выставочных залах на Уильям-стрит 14 февраля 1792 года.

«безделицами» последовали вариации на тему синьоры дель Каро «Волынка» – все четыре были изданы Лонгманом и Бродериком в 1795 году и Клементи в 1801 году.

Летом 1793 года Венанцио Рауццини, известный певец и композитор, устроитель концертов в Бате *(графство Сомерсет, Англия)*, пригласил отца Филда стать концертмейстером оркестра на этом модном курорте, и Филды попрощались с Дублином. Менее чем через полгода Роберту Филду предложили еще более заманчивую должность скрипача в театре Хеймаркет (Haymarket Theatre) в Лондоне, и в декабре 1793 года семейство Филдов переселилось в столицу Англии.

Этот простой, ничем не приукрашенный рассказ о зарождающихся способностях молодого Филда сильно отличается от общепринятой истории! Я очень подробно остановился на событиях 1791-1793 годов потому, что прежние авторы не постеснялись написать, что Филд «был вынужден голодным вернуться домой, в результате чего в двенадцать лет он впервые появился в Лондоне».

Как уже было сказано, музыкальное образование Филда началось под присмотром его деда и отца, и было продолжено Томмазо Джордани. Поселившись в Лондоне, Роберт Филд отдал сына в ученики к Муцио Клементи, который сразу же признал в мальчике гениальность. Отец стремился сделать все, чтобы Джон мог стать лучшим пианистом Лондона – об этом говорит и тот факт, что он согласился оплачивать весьма весомый для семьи гонорар за обучение (сто гиней).

В апреле 1794 года Клементи приступил к обучению молодого ирландца, а через месяц «маэстро Филд, десяти лет от роду» исполнил одну из сонат учителя на концерте Бартелемона. Гайдн, Дуссек и Кремер предсказывали молодому дублинскому пианисту великие свершения, но Клементи использовал его главным образом как демонстратора-продавца своих фортепиано, и держал мальчика на этой ужасной нудной работе в течение пяти лет (1794-1799). Можно вполне посочувствовать юному Филду, вынужденному в эти годы ежедневно бренчать на пианино для развлечения потенциальных покупателей Клементи, который очень гордился своим учеником.

Мистер Филд не только усердно практиковался в игре на фортепиано, но и учился игре на скрипке у Г.Х. Пинто, о чем свидетельствует посвящение «моему другу Джону Филду» сонаты для фортепиано, опубликованной Робертом Берчеллом в 1800 году. 7 февраля 1799 года сенсацией бенефиса Пинто в театре Хеймаркет стало исполнение Филдом «Концерта для фортепиано», сочиненного по этому случаю. Утренняя газета (9 февраля 1799г.) дает следующее описание этого концерта: «Главным источником восхищения в течение вечера был фортепианный концерт маэстро Филда, ученика Клементи. Авторитетные ценители признали пятнадцатилетнего джентльмена одним из лучших исполнителей в королевстве, и его удивительное выступление доказало, насколько справедливо он имел право на это отличие. Программа концерта, как мы понимаем, полностью состояла из пьес

собственного сочинения и была рассчитана на то, чтобы показать феноменальное сочетание виртуозности исполнителя и его характерной музыкальной экспрессии».

Два года спустя, 20 февраля 1801 года, Филд, которого теперь называют последним учеником Клементи, играл в антракте между «Реквиемом» Моцарта и ораторией «О Радости, Печали и Мудрости» Генделя в театре «Ковент-Гарден» и произвел настоящий фурор исполнением собственного концерта, о чем говорится в следующем номере «Morning Post». Тогда же он исполнил Рондо «С тех пор я обречен», которое с тех пор стало весьма популярно в Дублине.

9 декабря 1801 года издательство «Clementi and Co» сообщает Плейелю в Париж о готовности к публикации новых музыкальных произведений, включая «очень ценные партитуры Клементи, Дуссека, Виотти и Кремера». Сообщается, что особый интерес представляют некоторые новые сочинения Филда, «ученика М. Клементи, очень многообещающего гения, уже ставшего знаменитостью в стране в отношении как композиции, так и исполнения: вероятно, вы скоро увидите его в Париже».

Клементи понимал масштабы дарования Филда, но сольной карьере ученика-виртуоза, он предпочел продолжительное европейское турне с Филдом в качестве продавца фортепиано. В это же время его издательство публикует четыре или пять пьес Филда, в том числе три сонаты, посвященные Клементи (ля мажор, ми-бемоль мажор и до минор). Дела фирмы несколько задержали путешествие, наконец, в начале августа 1802 года оба пианиста отправились во французскую столицу, где Филд, исполняя фуги Баха и пьесы Генделя и Клементи, произвел фурор. Аналогичный триумф ждал музыкантов и в Вене.

К концу 1802 года Клементи и Филд прибыли в Санкт-Петербург, где первый с истинным коммерческим чутьем открыл демонстрационный зал для продажи роялей своей фирмы, используя Филда для демонстрации инструментов с наибольшей выгодой. 22 декабря 1802 года Шпор в примечательной автобиографии описывает свой визит в музыкальный салон, с большим энтузиазмом отзываясь о великолепной игре молодого ирландца. Бедняге Филду в то время было двадцать лет, он все еще был в мальчишеском костюме, из которого сильно вырос; бледный, застенчивый человек, не знавший ни одного языка, кроме английского; и все же, как уверяет нас Шпор, в тот момент, когда он начал играть на рояле, «все его нелепости стали незаметными, и проявился настоящий художник».

Покинув Санкт-Петербург в начале лета 1803 года, Клементи оставил Филда в качестве гостя генерала Меркловского[3], и молодой ирландец вскоре обрел многочисленную аристократическую клиентуру, у которой большим спросом

---

[3] *Возможно, фамилия ошибочна, в это время в Русской Армии был генерал Мещерский, информация о генерале Меркловском не найдена.*

пользовались не только рояли, но и концерты. Вернувшийся через год учитель обнаружил, что его бывший ученик находится на вершине успеха. Очевидно, примерно в это же время Клементи обменял рояль на некоторые музыкальные произведения Филда, как следует из письма, написанного партнеру Коллару: «Прислал ли вам Филд концерт, квинтет и еще что-нибудь, как мы договорился при продаже рояля? Если нет, пожалуйста, свяжитесь с ним через Фейвери» (22 апреля 1807 года, Вена).

С 1804 по 1807 год Филд пользовался большим успехом как виртуоз и педагог, давал многочисленные высокооплачиваемые концерты. Вскоре он овладел французским, немецким и русским языками, стал вращаться в самых избранных кругах. Избалованный вниманием, он стал ленивым и легкомысленным, к тому же очень рассеянным и эксцентричным. Как и многие другие люди искусства, он был расточителен и беспечен, разнообразя жизнь различными любовными интрижками. В довершение всего он влюбился в молодую французскую актрису, на которой женился в начале 1808 года. Существует множество письменных свидетельств как о женитьбе Филда и «мадемуазель Шарпантье», так и об их расставании «в течение года», но ни одно из этих утверждений не является правдой. Актрису, на которой женился Филд, звали мадемуазель Першеру[4], а церемонию бракосочетания проводил священник по имени Сюрук. Эта разношерстная пара прожила вместе пять лет. Известно, что они оба участвовали в воскресном концерте в пользу оркестра Императорского театра в Москве 1 марта 1812 года, а через четыре дня дали большой совместный концерт в резиденции княгини Трубецкой «напротив Евангельской церкви».

В Москве Филд давал уроки Шарлю (Карлу) Майеру, который впоследствии был горячим поклонником своего ирландского учителя. В это же время Филд очень подружился со Штейбельтом, одной из величайших музыкальных звезд Москвы. Еще одним другом был доктор Квинлан из Темплеорума, Килкенни, который в течение 35 лет был главным врачом в Царской больнице в Москве[5], где он умер 19 июля 1827 года.

1812 год отмечен сочинением Большого триумфального марша «в честь побед генерала графа Витгенштейна», за которым вскоре последовали Премьерный дивертисмент «Вариации на русскую тему» («Air Russe Varie») в четыре руки и Фантазия. Осенью 1814 года Филд сочинил первые три ноктюрна и фортепианную сонату, а также несколько концертов, которые были изданы в Петербурге в ноябре.

Месяц спустя в издательстве Питерса была опубликована чрезвычайно популярная миниатюра «Rondo Ecossais», основанная на ирландской теме, или, вернее, на мелодии, сочиненной ирландцем. Как ни странно, пьеса, темп которой

---

[4] *Филд был связан с обеими этими женщинами - женат на мадмуазель Першеру, но состоял в близких отношениях с мадмуазель Шарпантье, которая родила их сына Леона Шарпантье (Льва Леонова) в 1915 году.*
[5] *Наиболее вероятно, речь идет о Павловской больнице для бедных, сейчас Городская клиническая больница №4.*

обозначен как «Со скоростью плуга», называется Экосез[6], что предполагает ее шотландское происхождение. Не вызывает сомнений, что тема пьесы была сочинена ирландским скрипачом Джоном Муредом для танца в музыкальном спектакле «Naval Pillar», поставленном в театре Ковент-Гарден 7 октября 1793 года. Благодаря этому спектаклю - комедии с вымышленным персонажем миссис Гранди мелодия и получила своё название. Ставшая популярной, эта танцевальная тема часто заимствовалась, и очень украсила комедию Мортона «Скорость плуга», поставленную в Ковент - Гарден 8 февраля 1800 года.

Между 1815 и 1819 годами Филд давал многочисленные концерты в Санкт-Петербурге, и его репутация учителя фортепиано быстро росла. Самым известным его учеником в этот период был знаменитый Михаил Иванович Глинка, основатель Русской национальной оперы и Русской музыкальной школы. Впоследствии Глинка писал о своем ирландском учителе: «Игра Филда была одновременно энергичной и утонченной, она отличалась замечательной точностью. Его пальцы падали на клавиши, как крупные капли дождя, которые рассыпались, как радужные жемчужины. Здесь позвольте мне сказать, и я уверен, что мое мнение разделяют многие, кто слышал Филда, что я не разделяю точку зрения Листа, который сказал мне однажды, что он нашел игру Филда вялой. Нет! Игра Филда не была вялой, напротив, она была смелой, оригинальной и импровизационной. Он никогда не опускался до безвкусицы, чтобы произвести эффект, как это зачастую делают популярные пианисты».

В 1817 году Филд сочинил свой прелестный Концерт для фортепиано и оркестра № 5, известный как L'incendie par Voyage («Пламя путешествия»), посвященный Ее превосходительству мадам де Розенкампф и изданный издательством «Брайткопф и Хартель». Это выдающееся произведение вскоре звучало во многих городах Европы, но первое исполнение его в Англии состоялось только в 1821 году, когда оно было исполнено как концерт «Шторм» мистером Чарльзом Харгитом в Hanover Square Rooms в Лондоне.

Этот же год (1817) ознаменовался сочинением ноктюрнов № 4 и № 5 (ля мажор и си-бемоль мажор). Ля – мажорный ноктюрн - одно из самых изысканных произведений в своем жанре. Эрнест Уоер в своей «Истории английской музыки» (1907) называет его не только «прекраснейшей пьесой», но и «шедевром Филда». Однако в 1820 году ноктюрны Филда не прозвучали ни в Англии, ни в Ирландии!

За этими двумя ноктюрнами последовали четыре концерта, квинтет, два дивертисмента, полонез, Большой вальс (дуэт), Русская пьеса и несколько этюдов. Филд не теряеь из виду своего старого учителя, и в 1822 году публикует в издательствах Клементи и Коллара вокальный дуэт «Дева из Вальдарно» на слова

---

[6] *Экосез (фр. écossaise — «шотландка») — старинный шотландский народный танец.*

мистера У. Ф. Коллара. В опубликованной партитуре он подписывается как «Иоанн Филд Петербургский».

В том же году появился его ноктюрн № 6 (фа мажор), а в 1823 году ноктюрн № 7 (до мажор), который Шуман удостоил высочайших похвал (Neue Zeitschrift). Год спустя (1824) Филд издал Полонез в «Harmonicon», и, заметим, что Шопен в это время еще не поступил в лицей[7] и не публиковал ничего из своих сочинений вплоть до 1825 года.

В начале 1822 года Филд поселился в Москве и очень подружился с Гуммелем. Он зарабатывал большие суммы своими концертами и имел самые обширные педагогические связи. Среди его учеников были: Верстовский, Гурилев, Фракман, Райнхард, де Контски и мадам Шимановская, а также английский пианист и композитор Чарльз Нит.

Между 1822 и 1828 годами неуравновешенный характер Филда привел его ко многим эксцессам, и из - за невоздержанных привычек он постепенно скатился к безрассудной богемной жизни, пренебрежению своими профессиональными обязанностями и проблемам со здоровьем. Дважды сообщалось о его смерти: первый раз в 1828 году, а второй критиков, хотя Кремер и Мошелес также участвовали в концерте. Визит пианиста в Лондон в 1832 году был омрачен смертью его старого друга Клементи, который скончался 18 марта, Филд возглавил похоронную процессию в Вестминстерском - в 1831 году, после чего Филд написал в прессу характерное ирландское опровержение некролога (предвосхищая «преувеличенную[8] историю» Марка Твена).

Ответом на заметку Филда стало изящное заявление «Harmonicon» в июне 1831 года:

«Сообщение о смерти знаменитого Джона Филда в начале года необоснованно. Этот великий пианист-виртуоз все еще жив; и если он сможет преодолеть свою любовь к уединению, Европе ни в коем случае не стоит отказывать себе в удовольствии услышать его. Правда, это будет не легко – ему сложно решиться играть и демонстрировать своё мастерство».

Ближе к концу 1831 года Филд принял приглашение Лондонского филармонического общества выступить в концерте 27 февраля 1832 года. Его игра по этому случаю вызвала самое горячее восхищение, особенно его исполнение собственного концерта ми-бемоль мажор. На столетнем юбилее Гайдна 31 марта

---

[7] *Фредерик Шопен учился дома до 13-летнего возраста, затем поступил в 4-й класс Варшавского лицея, а через три года начал учиться в Главной школе музыки при факультете наук и изящных искусств Королевского варшавского университета.*

8 *«Слухи о моей смерти сильно преувеличены» - Марк Твен неоднократно писал собственные некрологи и их опровержения.*

он сыграл Анданте с вариациями, и именно это произведение получило наивысшие оценки аббатстве 29 марта.

6 мая 1832 года Филд был одним из почетных гостей на приеме, устроенном Мошелесом, и имел удовольствие познакомиться с Мендельсоном, который был очарован игрой ирландского виртуоза. Многочисленные парижские друзья уговаривали Филда дать серию концертов во французской столице, и он отправился туда. Успех в Париже зимой 1832-1833 годов было еще более блестящим, чем в Лондоне, и критики единодушно осыпали похвалами его технику и виртуозность, факт значительный, принимая во внимание то, что Шопен давал серию концертов несколько месяцев назад. Как известно, Филд был невысокого мнения о Шопене, которого он называл «un talent de chambre de malade». Эту колкость поддержала и язвительная насмешка Берлиоза: «il se mourait toute sa vie» *(Он умирал всю жизнь)*. Кстати, в это время Филд познакомился с ирландской актрисой мисс Смитсон, которая впоследствии (3 октября 1833 года) стала женой Берлиоза.

Зал Парижской консерватории 25 декабря 1832 года был переполнен модной и критически настроенной публикой, жаждавшей послушать ирландского изобретателя ноктюрна. Фетис, присутствовавший на этом концерте, заявил, что игра Филда поразительна: «Кто не слышал этого великого пианиста, тот не может составить себе представления о чудесном механизме его пальцев, механизме таком, что величайшие трудности кажутся простейшими вещами, и что руки его, кажется, не двигаются. Он не менее удивителен в искусстве звукоизвлечения и бесконечного разнообразия нюансов, будь то в отношении дыхания, мелизматики или акцентов. Восторг, не поддающийся описанию, настоящий экстаз охватил огромную аудиторию, собравшуюся ради его восхитительного Концерта, исполненного с таким филигранным совершенством, точностью, четкостью и выразительностью, которые невозможно было бы превзойти, и с которыми очень немногие пианисты надеялись бы сравниться. На мой собственный вкус, лучшими сочинениями концерта были два Рондо и восхитительные Анданте, предшествовавшие им, но общественность была впечатлена более эффектными и менее спокойными произведениями». Жозеф д'Ортиг в своей «Balcon del'Opera» (Париж, 1883) пишет еще более восторженно: «В консерватории Филд играл с симфоническим оркестром. Как и Паганини, он не менее интересен своими сочинениями, чем игрой - это двойное открытие для слушателей. Как пианист Филд не имеет себе равных ни в жанре, ни в технике. Он не придерживается принятой системы и не принадлежит ни к одной школе: ни к школе Дюссека, ни к школе Клементи, ни к школе Штейбельта; Филд - это Филд, его собственная школа. У него врожденный и оригинальный талант. Его исполнение вызывает абсолютное восхищение изысканно-одухотворенной игрой в сочетании с удивительной уверенностью и кокетством. Он сидит за роялем, как у собственного очага, без всякого отношения. Поначалу кажется, что его игра немного тяжеловата, но постепенно она становится

оживленной, тонкой и непостижимо точной среди самых запутанных лабиринтов. В его случае стиль-это человек. Его музыка - это музыка волшебства».

Столь же блестящими были приемы, оказанные Филду в салоне М. Пэйп *(M. Pape - англ.)* 20 июня и 3 февраля 1833 года. Об этих выступлениях Жозеф д'Ортиг оставил восторженные записи: «Никогда еще эти прекрасные салоны не видели более многочисленного и яркого выступления, чем на втором концерте Филда. Филду умело помогали *(флейтист)* Друэ и *(скрипач)* Байо, но его собственное исполнение четырех сочинений было восхитительно, хотя впечатление, которое он произвел на меня, было несравнимо с тем, которое я испытал в консерватории».

Весной и летом 1833 года Филд совершил весьма успешное турне по европейским городам, посетив в том числе Брюссель, Тулузу, Марсель и Лион. В Брюсселе он был представлен «капельмейстером Российского императора и прославленным пианистом». Как сообщалось в Le Beige, концерт 18 февраля имел огромный успех, и впоследствии Филд дал еще более масштабный концерт, который принес 1200 франков. Концертный зал «Атенеум» в Тулузе также был переполнен восторженными любителями и профессионалами. Филд исполнил Концерт, рондо и полонез, трижды бисировал. В августе в Марселе его ждал такой же триумф, и он был назван «Расином фортепиано».[9]

Его лионский прием был еще более сердечным, публика не знала, чем больше восхищаться - его сочинениями или их исполнением. «Journal de Geneve» от 4 сентября сообщает о прибытии Филда в Швейцарию в самых лестных выражениях. 30 сентября в блестящем концерте в Женевском зале Казино участвовали Доманж и Сабон, оркестром руководил М. Блок. Программа включала Фортепианный концерт № 6, ноктюрн ля мажор, рондо, квинтет «Пастораль и рондо». Успешное выступление повторили 14 октября. В Милане в ноябре и декабре ведущие итальянские критики отзывались о Филде как о непревзойденном гении. 20 ноября из Милана композитор отправил Брайткопфу и Хартелю в Лейпциг предложение издать фортепианный концерт № 7 на тех же условиях, что и № 6, которое они приняли. Флоренция аплодировала Филду, как и любящие музыку Венеция и Неаполь. Однако напряжение, вызванное более чем годичным турне, оказалось слишком сильным для 52-летнего невротика, и он серьезно заболел в Неаполе в 1834 году.

Это «пламя триумфа» (как писал бы Банн *(Bunn)*, продолжавшееся более года и засвидетельствованное континентальной прессой, опровергает заявления английских писателей, не постеснявшихся опорочить Филда в отношении его блестящих способностей и как композитора, так и пианиста; а что касается его характера, то следующие выдержки из популярного английского эссеиста

---

[9] Возможно, здесь мастерство Филд сравнивается с французским драматургом Жаном Батистом Расином.

демонстрируют, как пишется история: «Гений Филда уходил в ночь, и ни одна звезда не освещала его. Занималась заря более глубокой гармонической выразительности и технических чудес. При всей красоте его прикосновений и изяществе исполнения, несмотря на то, что музыка Филда заставляла сердца сжиматься между его пальцами, ему не хватало духа, энергии и мощи. Он не вызывал глубокой страсти, не захватывал слушателей силой. Но поднималась новая школа. Развивались новые технические возможности. Гуммель, ко всему изяществу, утонченности и чистому вкусу Филда добавил твердость, силу и скорость. ... Так Филд, гонимый ветром, посетил Швейцарию, оттуда - Брюссель, а в 1833 году - Италию. Но ни в Милане, ни в Венеции, ни в Неаполе он не мог найти былого обожания. Любопытство было холодным, аплодисменты неслышными, и неудача стояла на его пути. Его охватила горечь. Раздавленный болезнью и отчаянием, одинокий человек оказался в неаполитанском госпитале, где пролежал почти год неизвестным. Здесь, по чистой случайности, русский ученик обнаружил старого учителя».

Такими «розами был усыпан путь» Филда от Лондона до Неаполя, то есть с февраля 1832 года по май 1834 года. Даннройтер рассказывает нам, что вскоре после прибытия в Неаполь Филд серьезно заболел, и его пришлось оперировать по поводу фистулы, болезни, ускоренной растущей невоздержанностью. Он пролежал в больнице девять месяцев и был доведен до жалкого состояния, но чувствительная натура не позволяла писать кому-либо из друзей в Москве, чтобы сообщить им о своем тяжелом состоянии. Однако в июне 1835 года по счастливой случайности прибытие в Неаполь семьи русских дворян Рахмановых спасло Филда от его печального состояния. Несколько недель, проведенных на целебном курорте Искья, оказали на ирландского композитора благотворное влияние, и оттуда он короткими переездами отправился с Рахмановыми в Венецию.

В Вене Филд гостил у Карла Черни, преподававшего Листу, мадам Ури, Долеру и другим знаменитым пианистам. Воодушевлённый старыми друзьями, Филд нашел в себе силы дать три концерта в Театре Хоф 8 и 13 августа 1835 года, радуя модную публику своей прекрасной игрой. Как пишет Даннройтер, его изысканные выступления «вызывали восхищение». В Вене он сочинил новый концерт и новый ноктюрн, датированный 13 августа.

В конце августа Филд вернулся в Москву с Рахмановыми, а в ноябре 1836 года вновь тяжело заболел. Друзья и старые ученики делали все возможное, чтобы облегчить его тяжелое состояние, но к Рождеству стало ясно, что конец близок. В начале января к умирающему музыканту пришел исповедник:

- Вы католик?
- Нет!
- Вы протестант?
- Нет!

- Вы кальвинист?
- И это тоже нет, - сказал Филд, - не кальвинист, а пианист.

Так в январе 1837 года скончался Джон Филд из Дублина. Через четыре дня его похоронили в Москве, на Введенском кладбище. Его близкие друзья воздвигли прекрасный памятник, на котором выгравировано:

ДЖОН ФИЛД, РОДИЛСЯ В ИРЛАНДИИ В 1782 ГОДУ, УМЕР В МОСКВЕ В 1837 ГОДУ,

ВОЗДВИГНУТ В ПАМЯТЬ О НЕМ БЛАГОДАРНЫМИ ДРУЗЬЯМИ И УЧЕНИКАМИ.

Вот вам и биографические данные Филда. Остается только упомянуть его произведения. Но прежде всего, может спросить читатель, действительно ли Филд изобрел Ноктюрн? Ответ определенно утвердительный. Правда, ряд музыкальных историков, главным образом английских, стремились приписать его изобретение Шопену, но этот великий польский пианист и композитор пришел намного позже Филда и только развил этот жанр. Так, м. Бренет из Парижа пишет: «Что касается изобретения Ноктюрна, это факт, установленный достаточно хорошо. Филд был изобретателем». Х. Парент в своей известной работе говорит, что «величайшее отличие Филда в музыкальном мире состоит в том, что он создал жанр миниатюр, которому дал название Ноктюрн». (Энциклопедический репертуар пианиста Том 1. с. 99).

Опять же, Даннройтер в новом издании «Словаря музыки и музыкантов Гроува» (1906) соглашается с присвоением изобретения Ноктюрна Филду: «Своеобразная форма ноктюрнов Шопена, вид воплощенных в них эмоций, тип мелодии и ее изящные украшения, оригинальный волнообразный аккомпанемент в широко расположенных аккордах, с их размытым продолжительным звучанием, опирающимся на педаль, - всем этим и многим другим мы обязаны Филду».

Вскоре и доктор Эрнест Уокер в своей «Истории музыки в Англии» (1907) соглашается приписать Филду изобретение ноктюрна: «Эти изящные фортепианные пьесы действительно удивительно оригинальны для своего времени. Нетрудно заметить их глубокое влияние на ноктюрны Шопена, как в отношении типов мелодии, так и, особенно, в отношении приемов письма для инструмента. Эта горстка ноктюрнов является главным достижением Филда ... Лучшие из этих изысканно отшлифованных миниатюр, с их нежными мелодиями и скромным, мимолетным изяществом, увековечат имя автора. Они и мотеты Уэсли - любопытное сочетание - безусловно, являются наиболее художественно-самостоятельными образцами английской музыки того периода».

Сравнивая сочинения Клементи, Кремера, Мошелеса и Черни как художников, доктор Уокер приходит к выводу, что «мы могли бы отказаться от всех их

сочинений ради одного из лучших ноктюрнов Филда». Но еще более выразителен вердикт Генри Дэйви, автора «Истории английской музыки» (1895): «Здесь, наконец, мы встречаемся с музыкантом-новатором, создавшим свой собственный композиторский и исполнительский стиль и ставшим европейской знаменитостью. Филд считается одним из величайших пианистов в истории. Говорят, что он держал пальцы почти перпендикулярно, и его прикосновение отличалось небывалым разнообразием и звучностью, а также тончайшими деталями ... Он сделал важное дополнение к существующим жанрам своей новой формой ноктюрна ... и этим мы всецело обязаны Филду. Шопен, человек гораздо большей интеллектуальной силы, обогатил и поднял ноктюрн на высочайший художественный уровень, но не затмил Филда, настоящего изобретателя».

Основные фортепианные сочинения Джона Филда[10]: семь фортепианных концертов (№1 ми-бемоль мажор, №2 ля-бемоль мажор, №3 ми-бемоль мажор, № 4 ми-бемоль мажор, № 5 («Гроза» или « L'incendie par L'orage»), № 6 до мажор, № 7 до минор), два дивертисмента для фортепиано с оркестром; квинтет и рондо для фортепиано и струнных; 16 ноктюрнов; вариации на русскую тему в четыре руки; Большой вальс в четыре руки; 4 сонаты, три из которых посвящены Клементи; две арии и рондо, три фантазии; Полонез и рондо, несколько отдельных рондо, русские, ирландские, английские песни, романсы, три этюда, а также две французские песни и английский дуэт.

Из приведенного списка имя Филда увековечат концерты и ноктюрны. Возможно, не все концерты, но по крайней мере два. Возможно, не все ноктюрны, но, скорее всего, шесть из них. Название «ноктюрн» было применено издателями к нескольким произведениям, которые сам Филд таковыми не считал, поэтому некоторые списки издателей содержат 17, 18 и 20 ноктюрнов. Это число должно быть уменьшено до 16, и из этих 16 есть пять, которые выделяются особенно. Это ноктюрны под номерами 2, 3, 4, 5 и 7, которые в издании прославленного европейского пианиста и композитора Ференца Листа предваряются восхитительной оценкой творчества великого ирландского новатора.

Эти пять ноктюрнов, «пять филигранных лирических пьес», как пишет Даннрейтер, «по сути являются идиллиями и пасторалями, «задушевными поэмами» тонкого очарования и неподражаемой грации, которые никакая чрезмерная популярность не может сделать избитыми, никакое подражание отвратительным». К этим пяти я бы добавил шестой, № 8, ми мажор (приведенный как № 10 в издании Питерса). Как уже говорилось, Шуман восторгался красотой ноктюрна № 7 (ля мажор), в то время как большинство английских критиков выделяли ноктюрн № 4 ля мажор.

---

[10] *более точный список произведений и другие биографические сведения https://wikichi.ru/wiki/John_Field_(composer)#List_of_works*

По мнению профессора Эрнеста Уокера, эти шесть ноктюрнов «полны необычайно утонченной и прозрачной музыки, уникальность и своеобразие которой действительно имеет преимущество перед многими фортепианными миниатюрами гораздо более великих, чем Филд, композиторов». Он добавляет: «Действительно, центральные семьдесят или восемьдесят лет девятнадцатого столетия стали периодом упадка для английской композиторской школы; как мы видели, лишь немногочисленные искры послужили спасению факела нашего искусства от полного угасания, но все же почти все действительно значимые работы более или менее близко следовали великим образцам прошлого, только в ноктюрнах Филда скромно звучит новая нота».

Нельзя не упомянуть и о том, что Новейшая американская история музыки Таппера и Гетшиуса (Нью-Йорк, 1915) отдает должное Филду, как «одному из самых утонченных и поэтичных прямых предшественников Шопена, и по стилю, и по духу», и признается, что «его ноктюрны были непосредственным вдохновением для Шопена.»

Наконец, что касается ценности ноктюрнов Филда, то давайте послушаем вердикт одного из самых выдающихся современных немецких музыковедов, доктора Гуго Римана из Лейпцигского университета, чья Музыкальная энциклопедия выдержала семь изданий: «Филд справедливо может быть охарактеризован как один из самых оригинальных пианистических феноменов».

Таким образом, Джона Филда из Дублина прославили три особенности: 1) он был изобретателем Ноктюрна; 2) он был непревзойденным виртуозом игры на фортепиано; 3) он был учителем и другом Глинки, основателя русской музыкальной школы. Эти три отличия более чем достаточны для того, чтобы обеспечить ему место среди бессмертных в музыке. Он унаследовал музыкальные традиции ирландской музыкальной школы, столь восхваляемой Джиральдусом Кембренсисом и достойно продолжаемой Гарландом, Пауэром, Даулендом, Кэмпионом, Костелло, Перселлом, Мадином, О'Кароланом, Хемпсоном, Морнингтоном, О'Нилом и Муром, и которая в позжн была с честью представлена Балфом, Уоллесом, Салливаном, Холмсом, Стюартом, Гербертом, Стэнфордом, Харти и Хэем.

450 экземпляров этих мемуаров были
отпечатаны с рукописи и распространены.
Это брошюра №...
Брошюра была разработана Колмом О'Локлейном,
магистром гуманитарных наук,
в доме Ремесленников по адресу Харкорт-стрит, 39, Дублин,
и напечатана компанией O'Loughlin, Murphy & Boland, Ltd.
Верхняя Дорсетская улица, Дублин.